

УДК 821.161.1.09+821.161.1.09-1+929[Абрамович+Лохвицкая]

«Была до дерзости смела...» (Н. Я. Абрамович о М. А. Лохвицкой)

Н. А. Лайне

Лайне Надежда Анатольевна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nlayne@yandex.ru

В статье рассматриваются критические отклики Н. Я. Абрамовича, посвященные творчеству ярчайшей представительницы русской женской поэзии XIX–XX вв. М. А. Лохвицкой. Глубокие и неординарные оценки критика представляются значительной вехой в осмыслении ее лирики и играют существенную роль при определении места поэтессы в литературном пространстве эпохи.

Ключевые слова: журнальная литературная критика, любовная лирика, поэзия, статья, рецензия, Абрамович, Лохвицкая.

“Courage and Audacity...”

(N. Ya. Abramovich about M. A. Lokhvitskaya)

N. A. Laine

Nadezhda A. Laine, <https://orcid.org/0000-0002-6892-2170>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nlayne@yandex.ru

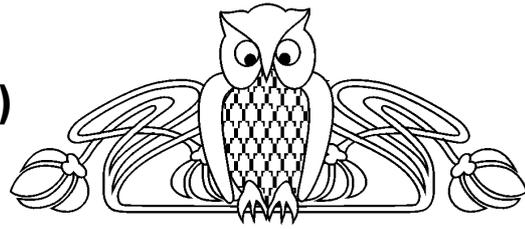
The article discusses the critical responses of N. Ya. Abramovich devoted to the work of the brightest representative of the Russian female poetry of the 19–20th centuries, M. A. Lokhvitskaya. Deep and extraordinary assessments of the critic seem to be a significant milestone in the comprehension of her lyrics, and play a significant role in determining the place of the poetess in the literary space of the era.

Keywords: journal literary criticism, love lyrics, poetry, article, review, Abramovich, Lokhvitskaya.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>

Николай Яковлевич Абрамович (1881–1922) – беллетрист, поэт-переводчик, публицист и один из плодовитых критиков рубежа XIX–XX вв.¹ Он являлся сотрудником журнала «Русская мысль», газет «Русская правда», «Новости дня» и других печатных органов, был издателем альманаха «Проталина», а в 1910–1911 гг. регулярно размещал обзоры современной литературы в газете «Студенческая жизнь».

Считается, что Абрамович был активным популяризатором идеалистических идей в философии и эстетике. Его порой парадоксальные суждения касались достаточно обыденных для эпохи тем жизни и смерти, стихийности и истинности поэзии, «дионисийского» и «аполлонического» начал в творчестве. Несмотря на то что Абрамовичу в некоторых случаях не хватало истинной глубины при рассмотрении нравственной и философской составляющих произведений,

его выступления в печати отличались особым стилистическим колоритом и экспрессивностью.

Эстетические и философские воззрения Абрамовича, отмечает И. А. Книгин, «складывались, по его собственным словам, в сопротивлении “страшному ощущению удушья” в общественной и духовной атмосфере России 1890-х годов, под влиянием культурной традиции Западной Европы. <...> в проблематике и тематике его критических статей заметно пристрастие к идеям Т. Карлейля, Ф. Ницше, А. Бергсона»². В середине 1900-х гг. критик заметно тяготел к символизму, но приверженцы данного литературного направления видели в нем прежде всего представителя «массовой культуры», «подражателя». К концу же 1900-х гг. сам Абрамович воспринимал символизм и футуризм исключительно как отрицательные и крайние неудачные явления русского модернизма.

Трагической новостью, удивившей и взорвавшей литературную среду тех лет, стала неожиданная кончина «русской Сафо», «певицы любви и страсти» Марии (Мирры) Александровны Лохвицкой (1869–1905). Разные по эстетическим представлениям и притязаниям литературные критики немедленно откликнулись на это печальное событие, ведь Лохвицкая с 1890-х гг. считалась одной из самых популярных русских писательниц, заметно выделявшейся цельностью и завершенностью лирических текстов на фоне мятежных поэтов-декадентов. Можно сказать, что именно она стала первой яркой представительницей уникальной чувственной женской поэзии, за которой последовали А. А. Ахматова и М. И. Цветаева.

Начав печататься в последнее десятилетие XIX в., поэтесса вскоре снискала читательскую славу, а ее дарование было замечено ведущими литературными критиками того времени. Известность пришла к ней после публикации поэмы «У моря» в журнале «Русское обозрение» (1891, № 8). В 1896 г. вышел первый сборник Лохвицкой «Стихотворения (1889–1895)», который был доброжелательно принят литературными кругами. Последующие книги неизменно вызвали активные споры и обсуждения, и к концу 1890-х гг. Лохвицкая считалась едва ли не самым популярным поэтом. Центральной темой большинства ее произведений была любовь. Столь узкая направленность лирики нередко вызывала раздражение «ограниченностью» кругозора и «чрезмерным эротизмом»; Лохвицкую стали почти привычно называть «вакханкой».

Помимо присужденных половинных Пушкинских премий Российской академии наук в 1897 и 1905 гг., Лохвицкая удостоилась и других значимых отличий. 17 декабря 1897 г. ей пришло сообщение «Общества писателей русской словесности при Императорском Московском Университете» за подписями председателя общества Н. И. Стороженко и секретаря Д. Д. Языкова о том, что 13 декабря 1897 г. она избрана в его действительные члены³. К тому же, пьесу Лохвицкой «Ванделин» 12 февраля 1900 г. Московское Отделение Театрально-Литературного Комитета одобрило к постановке на сценах Императорских Театров⁴.

Поэтесса принимала участие в известных «Пятницах Случевского», «Шмаровинских средах», «Фидлеровских обедах»⁵. В знаменитом «Альбоме кружка литераторов “Пятниц К. К. Случевского”», записи в котором начинаются с 12 февраля 1899 г., ее имя указано в списке постоянных участников под номером 27. В тот же день Лохвицкая одной из первых оставила автограф в упомянутом альбоме. Тогда она входила в кружок «Поэтов “Севера”», который был самым многочисленным, ведь именно в еженедельном журнале «Север» состоялся ее дебют в 1888 г. Под крышей Случевского наравне с представителями этого издания собирались «декадентствующие» литераторы (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт и др.) и «малочисленная, но авторитетная группа в лице Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Н. М. Минского»⁶. К званым вечерам Лохвицкая относилась с удивительной теплотой. Правда, судя по списку гостей, который составляли практически каждую пятницу, поэтесса появлялась на встречах довольно редко: упоминания о ней имеются только 21 апреля 1900, 16 ноября 1901 («Сегодня была Лохвицкая», сидевшая в углу)⁷ и 29 ноября 1902; записи самой писательницы после 12 февраля 1899 г. отсутствуют.

Поэтесса заинтересовала Н. Я. Абрамовича тем, что вместе с И. А. Буниным, К. М. Фофановым и А. М. Федоровым «воскресила» тот «свежий импрессионизм», который брал свои истоки в музыкальном и красочном творчестве А. А. Фета. Именно эти поэты, заявлял Абрамович, оставались верны «личному» и создавали «настоящую литературу», отличную от «мрачного творчества» представителей декадентства – К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова. Негативно отзывался критик и о зарубежных мастерах воплощения «душераздирающих ужасов» и «неискоренной болезненности» Э. По и Ш. Бодлера. Только Лохвицкая, Бунин, Федоров и Фофанов, по его мнению, «остались верны личному <...> Они смогли отразить весенние краски и свежесть, которых больше ни у кого нет»⁸. Из зарубежных авторов он особо выделял У. Россети, О. Уайльда и П. Б. Шелли.

Лохвицкая выделялась на таком фоне особым дарованием, ведь она была женщиной – сама

природа наделила ее особой чувственностью, которую удавалось умело воплощать в текстах. По этой же причине Абрамович не отнес Лохвицкую к символистскому течению. По его словам, она была «слишком чутка, слишком полна жизни»⁹. Все ее произведения, по Абрамовичу, есть «эхо чувств, отзыв весеннего празднества жизни»¹⁰.

Для критика главным критерием отбора авторов являлась их искренность. От стихотворца, который пишет, следуя зову сердца, нельзя требовать «чуждых его душе мотивов», не уставал повторять Абрамович, потому что это «значит требовать насилия его над самим собой». Так и талант Лохвицкой шел из «самой ее натуры», полной красок и звуков, требовавшей любви¹¹.

Стих ее всегда был утонченно-прекрасен и не являлся вычурно-скандальным, как пытались подчеркнуть некоторые рецензенты в своих обличительно-консервативных откликах, ведь произведение у «вульгарного стихотворца никогда такой изысканной нежности не достигнет»¹². Критик не мог не отметить и четкого художественного рисунка, и умелого воссоздания колоритных черт Востока, Древней Греции, Средневековья, которые любому начитанному человеку говорили о подлинном художественном даровании поэтессы и обширных познаниях в области литературы и истории древности. Все это снимало с Лохвицкой упрек в узости и неразвитости.

Абрамович настойчиво подчеркивал, что Лохвицкая являла собой единое целое как яркая неординарная женщина и по-особому тонко воспринимающий окружающий мир лирик; именно поэтому ее творчество было чрезвычайно трудно подчинить определенной системе или разбить на изначально схематичные отделы. Психологическая составляющая текстов интересовала рецензента во всех частях книги Лохвицкой: он пытался детально разобрать как можно больше произведений поэтессы. Основные черты стихотворений Лохвицкой, заявлял критик, развились из-за ее безграничной любви к жизни, которая неразрывно была связана с природой: почти в каждой строчке сквозили удивительная чуткость к окружающему миру и неподражаемая образность, аромат первых весенних цветов, роз и лилий, виднелся неясный облик далеких, дивных грез («Настурции»). Сборник «Стихотворения. Том III» (1900) явил, как полагал Абрамович, расцвет творчества поэтессы.

Упомянул он о Лохвицкой и в одной из своих первых книг «Литературно-критические очерки. Кн. I. Творчество и жизнь» (1909), в которую были включены размышления как о зарубежных, так и о российских писателях. Несмотря на разнообразие имен, представленных в работе Абрамовича, их «обилие и пестрота не уничтожают согласованности и связи <...> Они составляют звенья одной цепи. И если близость, например, Лохвицкой и «Песни Песней», или – Щербины и Гамсуна – может показаться парадоксальной, то

именно здесь, где прослеживается единая нота – Эрос, – открывается глубокая связь всех художников мира, как бы ни различались по величине и характеру таланта. Жизнь миллионами разнообразнейших голосов говорит об одной себе – о жизни»¹³. Раздел сборника, названный «Эстетизм и эротика», Абрамович посвятил задаче «найти настоящее воплощение Эроса» – проследить существование эротизма, красоты и идеи жизни в литературе. Помимо «Лирики Эроса», Абрамович выделил еще две группы: писателей «Творчества жизни», в текстах которых отражается что-то вроде «новых начал существования, освобождающих и проникнутых красотой и стихийностью» (Гете и Щербина), и «Художников Эроса», задачей которых было отражение чувств «то в чистом виде, то в связи с переживаниями религиозными, эстетическими»¹⁴.

«Лирики Эроса» отражали в текстах «чистое воспевание переживаний, произвольное, как соловьиная песнь». Сюда включены Бунин, Бальмонт и Лохвицкая, разбор стихотворений которой открывал статью. Поэтов критик объединил потому, что их стихи явили собой «отклик на чувства мира». Сам Эрос как тема был в представлении Абрамовича колоссален: эту тему «исчерпывали величайшие поэты мира. И до конца <...> она исчерпана не будет», так как безгранична сама природа. «Во всех проявлениях Эроса, от кошмарных безумств Вавилона до Парижа, до благоухающего счастья первой юношеской весенней любви для поэта существует одна из темных космических тайн жизни, разгадку которой ищет он в отражениях собственных образов», – писал он¹⁵.

Абрамович назвал «Лириков Эроса» творцами «библейского гимна страсти» – песни тела, которая на самом деле сокрыта в «Песне Песней» царя Соломона за религиозными нравовучениями: если сбросить библейскую ученость, то можно увидеть весеннюю наготу земных чувств Соломона и Суламита. Любовь, по мнению Абрамовича, – пламень Бога, и сильнее ее ничего нет: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь»¹⁶. Среди прекрасных садов расцветала Суламита, как расцветала и любовь между ней и возлюбленным Соломоном. Критик считал важным обратить внимание на то, что развитию мужского естества уделено меньше внимания – в центре находятся прекрасная девушка и всепоглощающие чувства к ней. Именно Лохвицкая сумела отразить «Песнь Песней» во всей своей лирике «ярким огнем жизни». Идя по «пути библейских поэтов», явившись в своем творчестве женщиной, она демонстрировала в произведениях вечно живое, стихийное чувство, само сокровенное «начало жизни», что являлось, на взгляд Абрамовича, единственным важным содержанием поэзии.

«В русской лирике, – указывал критик, – ни у кого так не дышат и не живут махровые ало-

огненные чаши роз, как в стихах Лохвицкой, и блеск летнего зноя, и буйный расцвет летних трав дан ей с острой силой иллюзии; все это дано <...> в передаче ощущений, чувств рассвета. <...> Она говорит об экстазе глаз в мгновении власти Эроса, о трепете ресниц, об оттенке розово-атласного цвета кожи тела, о бесконечной сложности и утонченности остроты чувств прикосновений. <...> Жизнь живого и прекрасного тела в его стихийности – вот что заключают в себе лучшие – 2-й, 3-й, 4-й – тома лирики Лохвицкой»¹⁷. За это «было бы безумием делать ей упреки, потому что то, что она сделала, было огромно и даже исключительно»¹⁸. Главное достоинство поэтессы Абрамович видел в том, что она не затягивала читателя в наряд идей и образов, а была настоящей – существом из крови и плоти, что помогало людям не только понимать, но и сердцем ощущать стихотворные строки; ее лирика удостоилась таких эпитетов, как «естественная», «истинная» и «настоящая».

Лохвицкая «тонко чувствовала южные краски», с восторгом отметил критик, в ней ощущалась «кровь Востока»: Соломон и Суламита, вся восточная образность, явленная в ее поэтическом мире, казались Абрамовичу величайшим гармоничным созданием. Все естество поэтессы было соткано из пламени земных эмоций: «Ее ум не отвлекался от чувств, проникался ими, <...> и вся энергия поэтессы вылилась в ту же стихию»¹⁹. Именно в этом критик видел секрет ее творчества. Поэзия Лохвицкой представлялась ему не робким творчеством северянки, а царственной песней, пронизанной жаждой «жизненных осуществлений, которая звучит в каждом облике, чарующей силой вечной женственности Суламита, Сафо и др.», которые «пили жизнь, беря <жизнь> собственной рукой»²⁰, как это делала и сама Лохвицкая.

В творчестве Лохвицкой, как многократно подчеркивал Абрамович, отразилась сама жизнь: прорастали розы и лилии, зеленели аллеи, слышалось лето, припекал бездонно-лазурный полдень и алел рассвет, дышали весенняя свежесть и зной. Он нарек ее «поэтессой восприятий», служившей и Аполлону, и Дионису одновременно, и все образы ее воспринимал как оттенки «бесконечной сложности». Эллинский культ красоты, не мог не заметить критик, удивительным образом сочетался в творчестве Лохвицкой с восточным сладострастием и «оргийностью».

Откровенный эротизм, который поэтессе ставили в упрек многие авторитетные критики, Абрамович считал несомненным плюсом: «И, будто как отделенная воздухом древней поэтической царственности от современности, была до дерзости смела, в открытой искренности своей лирики»²¹. Произведения Бальмонта, на взгляд Абрамовича, были менее удачными: «В русской литературе красоту и силу этой природы понял один Бальмонт, посвятивший Лохвицкой

несколько стихотворений. Но строки Бальмонта кажутся водянистыми и слабыми после густого звона стихов Лохвицкой, дышащих цветами и запахами земли»²².

Легкость и свежесть, как и у Лохвицкой, видел Абрамович у еще одного «недооцененного и мало известного» в то время поэта – Бунина, который тоже не создавал свои стихотворные произведения в русле гражданской лирики, а уделял особое внимание «тонким чувствам мира»²³.

О поэтессе Абрамович упоминал и в своем труде «Женщина и мир мужской культуры» (1913), который предварил размышлениями о забытых авторах. Причину забвения второстепенных писателей он видел в их исключительно служебной роли: то есть они, по мнению критика, были вскормлены и фактически созданы конкретной эпохой, вне которой их творчество не может быть актуально, а потому, по сути, они лишены столь важной для литературного творца самобытности²⁴.

Не было еще ни одной поэтессы, писал он, которая отделилась бы от своего поколения и переросла бы свое время: Жорж-Санд, Анна Луиза Жермена де Сталь, Джордж Эллиот – все они не художницы, не творцы. Проблему женщин-литераторов он видел в том, что они сильно заиклены на себе, погружены в свое естество и поглощены своими проблемами: быть может, если убраться из женской лирики «я хочу» и оставить «он хочет», писал Абрамович, ситуация бы изменилась. Причину отсутствия «настоящих» женщин-писателей, способных стать литературными классиками и выстроить диалог с будущими поколениями, Абрамович объяснял тем, что, «как бы много женских имен в настоящее время не существовало в литературе всех стран и сколько бы романов и повестей ни выходило из-под их пера, все же женское творчество реально отсутствует, его нет как проявления человеческого духа, самобытного внутреннего “я”»²⁵. Женщине, по его убеждению, не дано выразить глубину творческого сознания: в лучшем случае она выступает в роли зеркала, отражающего суть всего живого через призму своего бесконечного эгоизма. И именно Лохвицкую он выделял на фоне других: «Среди искренних и живых проявлений женской жизни, отражающих действительное, а не выдуманное, следует указать на лирику Лохвицкой, воспевающей любовь, сладострастие, материнство и природу»²⁶.

Несмотря на то что Абрамович вообще призывал творчество по природе своей антифеминистским, Лохвицкую он выделял и превозносил даже больше Бальмонта, ставя ее на одну ступень с Буниным. Ее лирика представлялась критику оригинальной, искренней и по особому красочной, как у настоящих творцов, ведь главными свойствами истинного искусства Абрамович считал «стихийность» (как подлинное ощущение окружающей действительности)

и «рисунок» (как совокупность различных приемов письма)²⁷. Очевидно, что Лохвицкая выделялась для критика на фоне других женщин-писательниц и авторов-символистов живостью и неподдельными чувствами в духе библейской «Песни Песней». Абрамович отмечал многие грани ее поэзии: не только страсть, но и материнство, восхищение самой природой, а ведь многие современники уделяли внимание только одной грани ее таланта – «вакхической», видя в творчестве поэтессы исключительно «волнующий элемент». Абрамович не сомневался, что Лохвицкая всегда шла самостоятельным путем и поэтому в русской поэзии должна занять «почетное место, а среди поэтов последних десятилетий, – несомненно, первое»²⁸.

Примечания

- 1 См.: Чанцев А. (при участии Белодубровского Е. и Лондона Б.). Абрамович Николай Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографич. словарь. Т. 1 : А–Г / под ред. П. А. Николаева. М., 1989. С. 13–14.
- 2 Книгин И. Литературная критика конца 1890–1910-х годов // История русской литературной критики : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. В. Прозорова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 195.
- 3 См.: Сообщение «Общества писателей русской словесности при Императорском Московском Университете» о принятии ее в действительные члены этого общества за подписями: председателя общества Н. Стороженко и секретаря Д. Языкова // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом). Ф. 486 (М. А. Лохвицкая). Ед. хр. 8. Л. 1.
- 4 См.: Уведомление о принятии к постановке пьесы Лохвицкой М. А. «Вандэлин» за подписью заведующего Центральной Библиотекой Императорских театров // Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.
- 5 См.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга. М., 2004. С. 203.
- 6 Сапожков С. В. «Пятницы» К. К. Случевского и их альбом // НЛЮ. 1996. № 18. С. 232.
- 7 См.: Альбом кружка литераторов «Пятниц К. К. Случевского». С авт. К. К. Случевского и членов его кружка, поименованных на л. 1 альбома, а также гостей – постоянных посетителей «Пятниц» (протоколы, шуточные стихи, записи на память, подписи, рисунки) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 703 (К. К. Случевский). Ед. хр. 2. Л. 1, 2, 41, 67.
- 8 Арский [Н. Я. Абрамович]. М. А. Лохвицкая : по поводу ее кончины // Наука и жизнь. 1905. № 9. С. 294.
- 9 Там же. С. 295.
- 10 Абрамович Н. Литературно-критические очерки. Кн. 1–2. Кн. 1. Творчество и жизнь. СПб., 1909. С. 55.
- 11 Там же. С. 30.
- 12 Там же. С. 56.
- 13 Там же. С. 27.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 57.

- ¹⁶ *Абрамович Н.* Литературно-критические очерки. Кн. 1–2. Кн. 1. Творчество и жизнь. С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 55.
- ¹⁸ Там же. С. 58.
- ¹⁹ Там же. С. 56.
- ²⁰ Там же. С. 57.
- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ См.: *Абрамович Н.* Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половая любовь. М., 1913. С. 105.
- ²⁵ Там же. С. 113.
- ²⁶ Там же. С. 112.
- ²⁷ См.: *Книгин И.* Литературная критика конца 1890–1910-х годов. С. 196.
- ²⁸ *Арский [Н. Я. Абрамович].* М. А. Лохвицкая : по поводу ее кончины. С. 305.

Образец для цитирования:

Лайне Н. А. «Была до дерзости смела...» (Н. Я. Абрамович о М. А. Лохвицкой) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 336–340. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>

Cite this article as:

Laine N. A. «Courage and Audacity...» (N. Ya. Abramovich about M. A. Lokhvitskaya). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 336–340 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>
